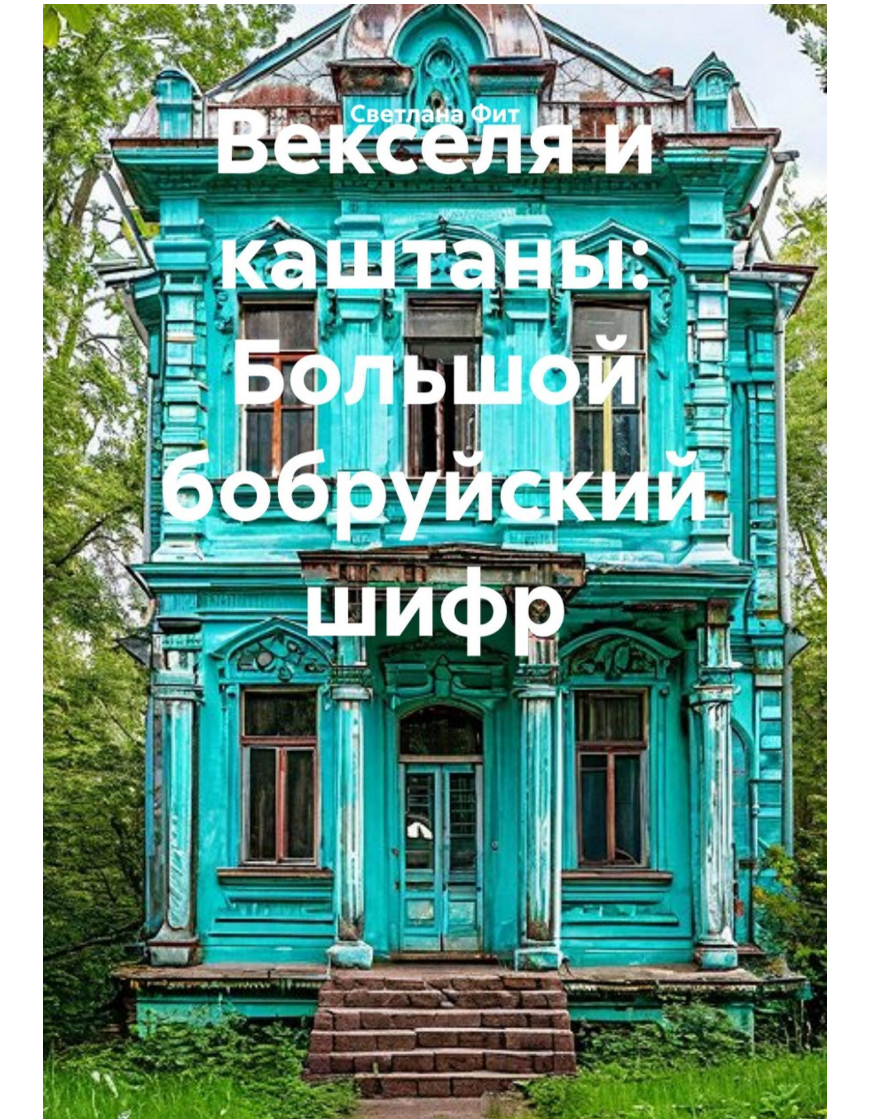

Светлана Фит

Векселя и каштань: Большой бобруйский шифр

Светлана Фит

**Векселя и каштаны:
Большой бобруйский шифр**

<https://litres.ru/74229858>

SelfPub; 2026

Аннотация

Знаменитый бирюзовый особняк купчихи Каценельсон в Бобруйске хранит не только память о былом величии «лесной столицы». Для коренной бобруйчанки случайная находка у фундамента дома становится ключом к тайнам столетней давности. Переступив порог пустующего памятника архитектуры, она оказывается в водовороте событий дореволюционного еврейского Бобруйска. Ей предстоит узнать, какую цену заплатила великая предпринимательница Пая-Брайна за свой прибалтийский терем. Книга иллюстрирована авторскими фотографиями современных улиц Бобруйска, сквозь которые проглядывает живая история.

Содержание

Глава 1. Привет из Прибалтики.	4
Глава 2. Вавилон на Березине.	19
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Светлана Фит

Векселя и каштаны:

Большой бобруйский шифр

Глава 1. Привет из Прибалтики.

В Бобруйске начала двадцатого века было две главных ценности: первоклассный корабельный лес и еврейские анекдоты. И то, и другое ценилось в Европе на вес золота. Город пах опилками, свежей речной водой Березины и субботним кугелем. Если бы в 1912 году кто-то сказал, что Бобруйск — это провинция, местный извозчик Хаим рассмеялся бы ему в лицо прямо у здания вокзала.

Я стою на Интернациональной улице, бывшей Присутственной, и смотрю на дом, который знает каждый бобруйчанин. Знаменитый деревянный особняк цвета яркой бирюзы. Две башенки с шатрами, круглая мансарда, изящный балкончик. Главная городская легенда гласит, что хозяйка дома, купчиха Пая-Брайна Каценельсон, увидела этот терем где-то на курорте в Юрмале. Он ей так приглянулся, что она купила его целиком, велела разобрать по бревнышку, привезти в Бобруйск на поездах и собрать заново, как гигантский конструктор.

— Пая, зачем вам дача из Юрмалы в Бобруйске? — на-
верняка спрашивали её соседи.— Чтобы Юрмала знала свое
место, — могла бы ответить Пая-Брайна.

Она была королевой лесного бизнеса, её фирма зараба-
тывала по два миллиона царских рублей в год, а суровые
лондонские промышленники снимали шляпы при упомина-
нии её фамилии. Женщина железной воли, которая управ-
ляла лесопилками так же легко, как другие дамы — кухон-
ной утварью. Она могла позволить себе любой каприз. Даже
привезти прибалтийское море на берега Березины.

Я прижалась лбом к старому оконному стеклу особняка.
Сейчас в нем пусто. Бывшая «зеленая библиотека» ждет луч-
ших времен. Но внутри, если прислушаться, до сих пор шур-
шат призраки прошлого.

Поговаривали, что Пая-Брайна была не просто богата, она знала секрет «счастливого дерева». Лес, который она продавала, никогда не гнил и не горел.

Мои размышления прервал странный звук. Под ногами что-то хрустнуло. Я наклонилась и подняла из травы возле фундамента дома старую, потемневшую от времени деревянную щепку. На ней ножом было аккуратно вырезано одно-единственное слово на идише: «*Шолом*».

В этот момент солнце зашло за тучу, и тени от башенок особняка легли на землю, словно стрелки гигантских часов, повернувшихся вспять. Я почувствовала, как карман куртки потяжелел. Там, откуда ни возьмись, оказался старый театральный билет в бобруйский театр Гирша Розенберга на свидание... датированное августом 1913 года.

Пая-Брайна построила этот дом для своих детей. Она надеялась, что под этими бирюзовыми куполами её сын Нисон, доктор философии и большой человек, найдет покой. Она еще не знала, что впереди 1917 год. Что особняк займут суровые люди из ревкома, а её блестящие, талантливые дети столкнутся с безжалостным колесом новой эпохи.

Но история началась не с трагедии. Она началась с блеска, шума ярмарок и стука топоров. И эта щепка в моих руках явно была ключом от дверей, которые закрылись больше ста лет назад.

Проникнуть внутрь пустующего особняка Каценельсон в

наши дни — задача почти шпионская. Замки на старых дверях помнят лучшие времена, а окна надежно закрыты от случайных прохожих. Но у Бобруйска свои законы физики. Если город хочет, чтобы ты куда-то попала, перед тобой откроется даже заколоченная дверь. Я обошла дом со двора, сжимая в кармане ту самую деревянную щепку с надписью «Шолом». Стоило мне коснуться ею старой рамы бокового окна, как послышался тихий вздох — так вздыхает старое дерево, когда его наконец-то понимают. Оконная створка поддалась без единого скрипа. Оглядевшись по сторонам (не видит ли наряд милиции с Интернациональной?), я перемахнула через подоконник и оказалась внутри.

Здесь пахло пылью, сухим деревом и... как ни странно, духами с нотками вербены. Солнечные лучи пробивали полумрак, рисуя на паркете золотые полосы. Я замерла посреди пустой комнаты, ожидая, что вот-вот сработает сигнализация. Но вместо sireны тишину прорезал другой звук. Стук. Ритмичный, глухой стук колес поезда. Пыль в воздухе вдруг закружилась в безумном вальсе. Стены особняка дрогнули. Я зажмурилась, а когда открыла глаза, паркет под моими ногами уже не был пыльным. Он блестел от свежего лака. Из соседней залы доносился звон тонкого фарфора, смех и обрывки разговора на идише и безупречном русском.

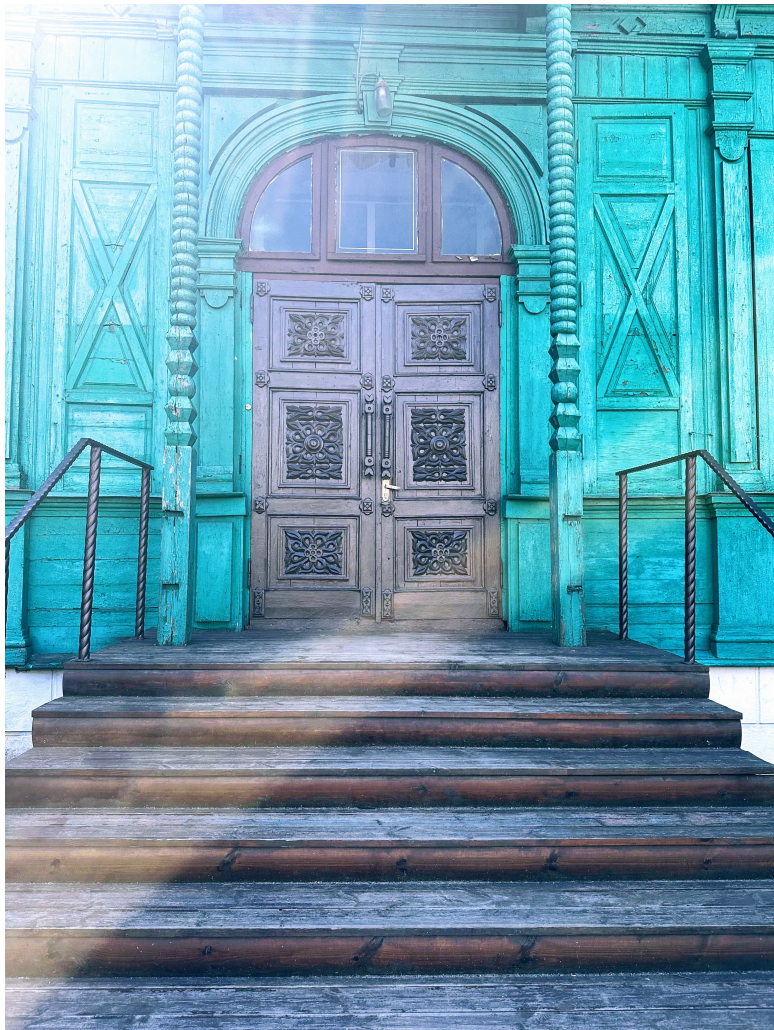
— Нисон, дорогой, ну зачем тебе эта государственная дума в Петербурге? — раздался сочный, уверенный женский голос. — Там же сплошные сквозняки и политики. В Боб-

руйске у тебя есть лес, есть уважение и, в конце концов, есть приличная мама, которая построила тебе дом! Я осторожно заглянула в дверной проем. В гостиной, залитой предвечерним солнцем 1913 года, за круглым столом сидела ОНА. Пая-Брайна Каценельсон. Женщина в строгом темном платье с ниткой дорогого жемчуга на шее. Перед ней стояла чашка чая и тарелочка с миндальным печеньем. Напротив сидел молодой мужчина с умными, немного грустными глазами философа — её сын Нисон, будущий депутат и гордость семьи.

Дом жил. Юрмальский терем, собранный на бобруйской земле, казался огромным кораблем, плывущим по течению времени. На стенах висели портреты, на подоконнике дремал толстый рыжий кот, а в углу тикали массивные напольные часы.— Мама, мир меняется, — тихо ответил Нисон, помешивая чай серебряной ложечкой. — Лесная империя крепка, но надвигается буря. Я чувствую это. Этот дом... он слишком красив для того, что грядет. Пая-Брайна отмахнулась, но в её глазах на секунду промелькнула тень — та самая трагическая автобиографическая тень, которую позже историки назовут «предчувствием катастрофы». Она строила этот бирюзовый рай как крепость для своих детей, не зная, что против штыков революции и войн бессильны даже самые крепкие юрмальские бревна.

Я сделала шаг вперед, желая крикнуть, предупредить их, сказать Нисону, чтобы он увозил семью... но моя нога задела

воображаемый стул. Пространство мгновенно подернулось дымкой. Смех смолк. Особняк снова стал пустым, пыльным памятником архитектуры XXI века. Но на подоконнике, прямо там, где только что сидел Нисон Каценельсон, осталась лежать та самая серебряная ложечка с монограммой «К». И на ней еще сохранилось тепло человеческих пальцев.

Выйдя из бирюзового особняка, я долго не могла прийти в себя. На ладони лежала реальная, осязаемая улика — серебряная ложечка с витиеватой буквой «К». Солнце Бобруйска образца 2026 года грело точно так же, как и сто тридцать лет назад, но улицы вокруг уже казались мне многослойным пирогом времени. Я шла по Интернациональной, а перед глазами стоял Нисон с его печальным пророчеством о надвигающейся буре.

Куда идти с серебром из прошлого? Разумеется, туда, где дореволюционный Бобруйск до сих пор упрямо отказывается уступать место современному сайдингу и пластику — на улицу Чонгарскую.

Сто лет назад эта часть города звенела сотнями голосов. Здесь располагались купеческие лавки, парикмахерские, где новости узнавали раньше, чем из газет, и знаменитые бобруйские синагоги. Бобруйск из красного кирпича — это особый шик. Местные заводы Розенберга и Лозинского выпускали кирпич такого качества, что он до сих пор звенит, если по нему аккуратно постучать ногтем.

Я свернула к руинам старой синагоги на Чонгарской. Ее стены из намоленного, обожженного солнца кирпича без крыши смотрели прямо в небо. Время пощадило лишь арочные окна и величие фасада.

Возле старой кладки на деревянном ящике сидел пожилой мужчина в старомодной кепке. Он протирал тряпочкой ка-

кие-то старые книги. Его звали дядя Лёва — один из тех последних бобруйских старожилов, которые знают родословную каждого камня в этом городе.

— Молодая леди, вы так пристально смотрите на эти руины, будто хотите купить здесь недвижимость, — с мягкой улыбкой и характерной бобруйской интонацией произнес он. — Но я вам скажу: все лучшие места здесь уже заняты воспоминаниями. — Я ищу владельца вот этой вещи, — я протянула ему серебряную ложечку.

Дядя Лёва достал из кармана массивные очки, водрузил их на нос и бережно взял серебро. Его пальцы, испачканные в книжной пыли, замерли на монограмме. Глаза старика за стеклами очков удивленно округлились.

— Ой вей... — тихо выдохнул он. — Откуда у вас это? Это же работа мастера Золотина, его мастерская стояла как раз недалеко от рынка. А монограмма... Такая была только у семьи Нисона Каценельсона. Его дети, Рахиль и Яков, родились в том самом деревянном доме, который Пая привезла из Юрмалы. — Вы знали их историю? — спросила я, присаживаясь рядом на край деревянного ящика. — Кто в Бобруйске не знал Каценельсонов? — дядя Лёва покачал головой, и в его голосе зазвучала та самая уважительная, глубокая ретро-грусть. — Пая-Брайна думала, что покупает детям счастье вместе с прибалтийскими бревнами. Но счастье не поддается транспортировке по железной дороге, девочка моя. Нисон уехал, стал философом, сионистом, дружил с ве-

ликими умами. А потом... потом пришел семнадцатый год. Большевики забрали особняк под свой комитет. Пая уехала к родственникам, её след затерялся. А дети... Судьба детей Нисона — это слезы нашего города. Яков погиб на фронте, Рахиль пережила эвакуацию, но потеряла всё. Лесная империя рассыпалась на щепки.

Старик замолчал, глядя сквозь арку синагоги на проплывающие облака.— Но знаете, что я вам скажу? — вдруг добавил он, возвращая мне ложку. — Каценельсоны не ушли навсегда. Пая была слишком упрямой женщиной, чтобы просто так позволить истории стереть свой род. В Бобруйске говорят, что перед отъездом Нисон спрятал в городе семейный архив и дневники матери. И тот, кто найдет их, сможет вернуть городу его настоящую душу.— И где искать этот архив? — затаив дыхание, спросила я.

Дядя Лёва хитро прищурился и указал рукой в сторону Березины, туда, где над рекой возвышались суровые валы Бобруйской крепости.— Там, где начинался Бобруйск. В подземельях старого форта. Ищите знак — три перекрещенных дубовых листа на кирпиче. Это клеймо лесной империи Паи.

Дядя Лёва бережно провел пальцем по обложке старой книги, словно настраиваясь на нужную волну, и его голос зазвучал тише, обретая певучую интонацию старых бобруйских рассказчиков:

— Вы вообще представляете себе, что такое был этот дом для Бобруйска в те годы? Город ведь строился по строгому плану, вон там — казенные кирпичные дома, тут — лавки. И вдруг среди этого упорядоченного соснового царства появляется *это*. Прибалтийское чудо. Каприз Паи-Брайны, который обошелся ей в целое состояние.

Она увидела этот особняк в Юрмале, на Рижском взморье. Представьте себе: Пая, женщина колоссального ума и железной хватки, приехала на курорт подышать морским воздухом и немного отдохнуть от бесконечного шума своих лесопилок. Гуляла по тихим улочкам, смотрела на море. И вдруг среди сосен — он. Деревянный терем в стиле модерн, изящный, воздушный, как будто сделанный не из тяжелых бревен, а сплетенный из рижских кружев. Две высокие луковичные башенки, устремленные в балтийское небо, круглая мансарда, огромные эркерные окна, в которых отражалось солнце. Настоящий замок, только теплый, живой, пахнущий смолой.

Другая дама её круга вздохнула бы, купила бы открытку с видом дома и уехала обратно в свой Бобруйск. Но Пая-Брайна не умела просто вздыхать. Она привыкла владеть тем, что ей нравится.

Она нашла хозяина дома — какого-то обедневшего прибалтийского барона или коммерсанта. Тот сначала только посмеялся, когда богатая купчиха из Могилевской губернии предложила продать ему дачу. «Дом не продается, сударыня», — сказал он. Пая молча назвала сумму в золотых руб-

лях. Барон перестал смеяться. Пая назвала сумму еще раз, добавив сверху столько, что на эти деньги можно было купить половину Юрмалы. Сделка была заключена.

Но купить — это половина дела. Как перевезти двухэтажный деревянный замок за сотни верст? Для Паи-Брайны это был не вопрос логистики, а вызов её профессиональной гордости. Она ведь была королевой леса! Она знала о бревнах всё.

Она наняла лучших рижских мастеров. Каждое бревно, каждую резную дощечку, каждый наличник и элемент башенок аккуратно пронумеровали особыми клеймами. Особняк разобрали по кусочкам, бережно, как спящего ребенка. Каждую деталь заворачивали в холщовую мешковину и солому, чтобы не дай бог не повредить юрмальский лак и тонкую резьбу.

Потребовался целый железнодорожный состав, огромный товарный поезд, чтобы вместить этот разобранный терем. И вот этот «дом на колесах» двинулся через Вильно и Минск сюда, на Березину. На бобруйском вокзале поезд встречала половина города. Извозчики бросали лошадей, торговцы закрывали лавки — всем хотелось посмотреть на «Паин каприз».

А потом на улице Присутственной закипела работа. Собрать дом по чертежам оказалось сложнее, чем разобрать. Бобруйские плотники работали под личным надзором Паи. Она стояла на стройке в своем роскошном платье, приккры-

вая лицо от пыли кружевным зонтиком, и горе тому мастеру, который укладывал прибалтийскую сосну не по номерам!

Когда терем наконец собрали, Пая велела выкрасить его в цвет морской волны — в ту самую яркую, сочную бирюзу, чтобы Бобруйск помнил о Юрмале, а Юрмала знала, у кого теперь стоит её лучший дом. Вокруг особняка разбили сад, и когда по вечерам в башенках зажигали керосиновые лампы, казалось, что на тихую белорусскую улицу опустился сказочный корабль.

Пая сидела на открытом балконе второго этажа, пила чай с бобруйскими бубликами и смотрела на город. Она была счастлива. Она думала, что свила для своего Нисона и внуков вечное, неразрушимое гнездо...

Я поблагодарила старика и поехала по Чонгарской в сторону реки. В кармане грелось серебро, а в голове шумел старый Бобруйск: стук копыт по мостовой, запах свежего хлеба из пекарен и тихий, гордый шепот бирюзового особняка, который обещал открыть мне все свои тайны.

Глава 2. Вавилон на Березине.

Если бы вы перенеслись в Бобруйск года этак 1913-го, первое, что вас оглушило бы — это звук. Город не просто жил, он непрерывно разговаривал, торговался, спорил и пел. На пешеходной Муравьевской (нашей Социалке) и на Чонгарской смешивались звуки сотен шагов, грохот извозчицких пролеток по каменной мостовой и разноголосый гул. Здесь говорили на безупречном русском, певучем белорусском и, конечно же, на сочном, полном иронии и мудрости идише.

Бобруйск того времени называли «еврейским Вавилоном». Из сорока тысяч жителей больше половины составляли евреи. Но это не было местечко из грустных рассказов — это был богатый, гордый и невероятно стильный город. Город часовщиков, ювелиров, портных, чьи костюмы сидели не хуже парижских, и лесопромышленников, ворочавших миллионами.

Центром этого вселенского притяжения был, разумеется, Центральный рынок. Купить там что-то без долгих, артистичных переговоров считалось почти оскорблением для продавца.— Слушайте, Хаймович, — говорила почтенная дама в кружевной шляпке, разглядывая гуся. — Ваш гусь выглядит так, будто он лично помнит восстание Костюшко. Почему за него такая цена?— Мадам, — с достоинством от-

вечал торговец, прижимая руку к сердцу. — Этот гусь вчера еще пел в хоре Бобруйской синагоги! Он диетический, как слеза младенца. Специально для вашей семьи!

Жители Бобруйска обладали удивительным качеством — они умели превращать провинциальную жизнь в высокую драму и комедию одновременно. Местные извозчики, заправлявшие у вокзала, были первыми философами. Они знали всё: от курса фунта стерлингов на Лондонской бирже (ведь от этого зависела цена на бобруйский корабельный лес) до подробностей личной жизни племянника аптекаря Розенблюма.

Вечерами город преображался. Нарядная публика чинно прогуливалась мимо купеческих особняков из знаменитого «розенберговского» красного кирпича. Мужчины в модных котелках и с тростями, дамы в шелках. Заходили в синематограф «Эдисон» или шли в театр Гирша Розенберга — деревянное чудо акустики, где выступали лучшие столичные труппы. Бобруйский зритель был строг: если примадона фальшивила, галерка могла сочувственно вздохнуть так громко, что спектакль приходилось останавливать.

Здесь царил культ книги и образования. В Бобруйске работали десятки частных библиотек, гимназий, а типографии Яковсона и Фридлянда печатали всё — от религиозных фолиантов до новейших европейских романов. Именно в этой атмосфере выросли дети Паи-Брайны Каценельсон. Её сын Нисон впитывал этот бобруйский дух — смесь коммерче-

ской хватки, глубокой религиозной философии и европейского лоска.

Город пах сдобными халами из пекарни Ниренберга, свежими газетами, речной прохладой Березины и сосновой смолой с лесопилок. Бобруйчане искренне верили, что их город — это пуп земли. И, честно говоря, глядя на великолепные фасады с коваными балконами, которые до сих пор украшают наш центр, я начинаю думать, что они были абсолютно правы.

Я ехала по Чонгарской, сжимая в кармане серебряную ложечку Нисона, и мне казалось, что из-за каждого угла на меня смотрят они — те самые бобруйчане из 1913 года. Смеющиеся, гордые, немного хитрые, еще не знающие, что их прекрасный, уютный мир стоит на пороге великих перемен. Но пока эти перемены не пришли, над Березиной плыл колокольный звон, а в домах зажигали субботние свечи. Я ехала в сторону Крепости.

Бобруйская крепость встречает тишиной, от которой закладывает уши после шумного центра города. Здесь, на высоких земляных валах над Березиной, время течет по совершенно иным законам.

Старинные редюиты и капониры из потемневшего от войн и дождей кирпича похожи на уснувших великанов, которые стерегут тайны, слишком тяжелые для человеческой памяти.

Слова дяди Лёвы не выходили у меня из головы: «*Ищите знак — три перекрещенных дубовых листа на кирпиче*». Это клеймо лесной империи Паи-Брайны Каценельсон. Но как найти один-единственный кирпич среди миллионов других в полуразрушенных фортах, раскиданных на огромной территории?

Я вышла из машины. Я пошла мимо массивных стен Горчаковского форта. Ветви старых деревьев низко склонялись над амбразурами, словно пытаясь спрятать их от чужих глаз. В кармане куртки лежала серебряная ложечка Нисона. И вдруг я заметила странную вещь: чем глубже я заходила в лабиринты крепости, тем сильнее металл нагревался. Наконец, у входа в один из заброшенных подземных пороховых погребов ложечка стала почти горячей.

Я зажгла фонарик и ступила под прохладные своды подземелья. Пахло сыростью, вековой пылью и почему-то... едва уловимым ароматом сосновой смолы. Точно такой же запах окутывал меня в особняке на Интернациональной.

Шаг за шагом я исследовала старинную кладку, ведя лучом света по неровным рядам кирпичей. Время оставило здесь свои автографы: трещины, мох, выцарапанные имена солдат разных эпох. И вдруг на высоте моей груди луч фонаря выхватил нечто необычное. На одном из кирпичей в углу темной ниши было выбито четкое, глубокое клеймо — три дубовых листа, перекрещенных у основания. Те самые, что красовались на бланках акционерного общества Каценельсон!

Сердце забилось чаще. Я осторожно коснулась кирпича пальцами, и он... качнулся. Вековой цементный раствор давно превратился в труху. С трудом потянув тяжелый брусок на себя, я вытащила его из ниши. За ним, в глубоком тайнике, скрывался продолговатый жестяной коробок из-под дореволюционного чая «Высоцкий и Ко».

Жестяная коробка из-под чая «Высоцкий» оказалась не финалом, а лишь первой станций в безумном историческом квесте, который Пая-Брайна и её сын Нисон приготовили для тех, кто рискнет потревожить покой лесной империи.

Вместо россыпи золотых монет на дне коробки лежали

две вещи: тяжелый латунный цилиндр, испещренный немецкими готическими буквами и цифрами — знаменитый кодовый замок «Криптекс» начала двадцатого века, — и сложенная вчетверо страница из дореволюционной бобруйской газеты.

Я выбралась из мрачного подземелья Горчаковского форта на крепостной вал. Солнце уже коснулось горизонта, окрашивая Березину в цвет расплавленной меди. Я развернула газетный лист. Это был кусок «Бобруйских откликов» за май 1914 года. Объявление в траурной рамке было подчеркнуто красным карандашом:

Внимание лесопромышленников и торговых агентов! Акционерное общество "П. Каценельсон и сыновья" объявляет о закрытии навигации. Ищите место, где "речные титаны" вставляли в караваны, а просмоленное дерево до сих пор держит удар Березины. Где черная от дегтя вековая свая купеческой пристани стоит у самой кромки воды.

Мысли в голове выстроились в четкую логическую цепочку:

«Кубические сажени сосны меняли подданство» — это экспорт леса за границу.

«Речные титаны вставляли в караваны» — сборка огромных плотов для сплава.

«Где просмоленное дерево держит удар реки» — это **купеческая грузовая пристань Бобруйского речного порта!**

— Ну конечно! — вслух произнесла я, и мой голос эхом разнесся по крепостному рву. — Пая-Брайна была слишком умна, чтобы оставить золото там, где его мог найти любой советский солдат или черный копатель. Она заставит меня побегать по Бобруйску.

Записка из латунного цилиндра вела меня прочь от сухих крепостных валов — вниз, к самой кромке Березины. Сто лет назад Бобруйск жил не картами и не банками. Он жил рекой. Березина была главной транспортной артерией, по которой золото бобруйских лесов утекало напрямик в Балтийское море, а оттуда — в порты Англии, Франции и Германии.

Я прыгнула за руль, завела мотор. Система проложила короткий, но фактурный маршрут на юг, прямо к затонной промышленной окраине. Машина рванула с места, петляя по разбитому асфальту между массивных земляных насыпей Бобруйской крепости.

Справа проплывали величественные, мрачные стены старых фортов, заросшие диким кустарником. Я проскочила крепостной выезд и выехала на улицу Карла Либкнехта, которая быстро сменилась тихими, серыми переулками частного сектора. Бобруйск в этой своей части казался абсолютно застывшим во времени: деревянные дома с резными палисадниками, заборы, выгоревшие на солнце, и густые яблоневые сады, нависающие прямо над дорогой. Вскоре колеса глухо застучали.

Современный гладкий асфальт резко оборвался, и под колесами обнажилась она — старая купеческая брусчатка, выложенная из прочного колотого камня. Навигатор уверенно повел меня на улицу Крупской, мимо территории судоремонтного завода, а затем заставил повернуть в темный, пахнущий речной сыростью Затонный переулок.

Воздух здесь стал плотным и холодным. Пахло речной тиной, сосновыми опилками, мазутом и старым дегтем. Дорога уперлась в глухие металлические ворота и промышленные постройки. Я заглушила двигатель. Прямо передо мной, разрезая вечерний туман своими железными стрелами, высились массивные портовые краны и плавперегрузчики речного порта Бобруйск.

Я вышла из машины и направилась к самой кромке воды, туда, где река Березина делала крутой, ленивый изгиб. Наступали сумерки, и мне предстояло отыскать в этой темной воде ту самую вековую просмоленную сваю купеческой пристани, которая хранила первую путевую отметку лесной империи.

Я спустилась к воде в районе старого порта, где река делает крутой изгиб. Вечерний туман уже лениво наползал на берега, скрывая противоположный лесистый склон. В руке я сжимала золотой перстень-печатку Паи-Брайны. Стоило мне подойти к воде и посмотреть на реку сквозь прозрачный камень перстня, как туман 2026 года вдруг сгустился, превращаясь в густой, сизый дым от костров.

Воздух мгновенно изменился. Он стал плотным, тяжелым, пропитанным резким запахом речной сырости, дегтя, конского пота и свежего соснового спила.

Прямо перед моими глазами развернулась невероятная картина из весны 1914 года. Березина была буквально забита лесом. Километровые караваны из гигантских плотов, связанных между собой толстыми канатами, покачивались на волнах. Столетние корабельные сосны и дубы, срубленные в бобруйских лесничествах, плыли по течению, словно стадо послушных речных титанов.

На плотах кипела суровая, опасная жизнь. Сплавщики — крепкие, бородатые мужики в промокших до нитки холщовых рубашках и высоких кожаных сапогах — ловко орудовали огромными шестами-баграми. Они перепрыгивали с бревна на бревно с грацией цирковых акробатов, удерживая многотонные конструкции на стремнине, чтобы те не разбились о прибрежные камни и не устроили затор у крепостного моста.

— Шевелись, ребята! — донесся до меня раскатистый крик старшего плотогона. — Пая-Брайна заждалась на лесопилке! Если опоздаем к весеннему паводку, бароны в Риге купят немецкий дуб, а не наш!

На берегу, прямо у деревянной купеческой пристани, стояли огромные весы для обмера древесины и склады, пропахшие смолой. Здесь же, на дощатом помосте, стоял управляющий лесной конторы Каценельсон в дорогом кожаном пальто. Он быстро записывал что-то в конторскую книгу, сверяя

клейма на бревнах. Каждое бревно, принадлежавшее Пае, было отмечено тем самым знаком — тремя дубовыми листьями. Эта древесина ценилась в Европе выше любой другой: бобруйская сосна шла на мачты лучших европейских судов. Лесная империя Паи-Брайны ворочала такими объемами, что за сезон Березина проносила через город миллионы царских рублей в деревянном эквиваленте.

Вдруг один из плотов резко качнулся у берега, ударившись о старую дубовую сваю пристани. Звук удара выдернул меня обратно в реальность.

Туман рассеялся. Пропали крики сплавщиков и запах дегтя. Березина снова стала тихой, мирной рекой двадцать первого века. Но на том самом месте, где в моем видении плот ударился о берег, из воды торчал черный, полусгнивший кончик старой дореволюционной сваи.

Я подошла ближе, присела на корточки у самой воды и посветила фонариком. Прямо в древесину древней сваи, чуть выше уровня воды, был намертво забит старый кованый костыль, удерживающий ржавую железную цепь. На звеньях этой цепи были выбиты цифры. Это были координаты.

Пая-Брайна связала свой квест не только с домами и крепостью. Она заставила саму реку охранять свои сокровища. Я записала цифры в телефон. Мой бобруйский экспресс времени требовал двигаться дальше — к старой железнодорожной станции «Березина», куда этот лес свозили для отправки по суше.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.